

Алейников Андрей Викторович

ПРОБЛЕМНЫЕ УЗЛЫ КОНФЛИКТОВ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать системные характеристики и основные составляющие "несимфоничности" стратегий конфликто разрешения в российском обществе. С использованием концептуального языка конфликтологии рассмотрена специфика политической конфигурации, своеобразная логика взаимоотношений между обществом и государством, характерных для трансформационных процессов в России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/2.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 13-18. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

MULTICULTURALISM AND POLY-ETHNIC STATE STABILITY PROBLEM

Elena Grigor'evna Avanesova, Ph. D. in Philosophy
Department of Political Science
Tomsk State University
avanesovafsf@yandex.ru

The author discusses the so-called “national question”, shows that the theme “Multiculturalism and the problem of poly-ethnic state stability” involves the consideration of the relations between the cultural mosaic of state and its political stability, and uses the term “multiculturalism” in different meanings: as a cultural diversity of one or another state and as the strategy of multiethnic state ethnic policy aimed at its cultural diversity preservation.

Key words and phrases: poly-ethnic state; ethnic policy; civic identity; multiculturalism policy; multicultural communities.

УДК 316.48

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать системные характеристики и основные составляющие «несимфонийности» стратегий конфликторазрешения в российском обществе. С использованием концептуального языка конфликтологии рассмотрена специфика политической конфигурации, своеобразная логика взаимоотношений между обществом и государством, характерных для трансформационных процессов в России.

Ключевые слова и фразы: власть; конфликт; ресурсы; российские трансформации; конфликтно-институциональный подход; модернизационный проект.

Андрей Викторович Алейников, д. филос. н.
Кафедра конфликтологии
Санкт-Петербургский государственный университет
av-aleynikov@yandex.ru

**ПРОБЛЕМНЫЕ УЗЛЫ КОНФЛИКТОВ РОССИЙСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ:
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ КОНТЕКСТ®**

У российских трансформаций уже есть не только биография, но и периодизация. Но если сменить оптику и посмотреть на предмет издали, виднее внешняя история предмета: какой глубины и длительности течения конфликты дают процессу трансформации смысл и силу, в какие временные масштабы, ритмы и волны он вписывается, какие пласты сознания и бессознательного поднимает или прячет.

На определенном этапе развития методологической рефлексии стало ясно, что предложить некую законченную концепцию особенностей постсоветской трансформации невозможно ни с помощью прямого переноса схем и моделей, разработанных на материале стран Запада, ни с помощью выработки особых подходов, призванных объяснить уникальность конкретных случаев.

Надо признать, что свежесть нового утрачена здесь не вчера. Тютчевская формула порочного исследовательского круга – «умом Россию не понять» – этот изысканный интеллектуальный прикол удобен, но отсылка к нему отнюдь не помогает осмыслению российских социально-политических реалий, впрочем, так же, как и целая коллекция разных попыток толкований и срезов понимания России не своим, а чужим умом.

В неангажированной экспертной среде принято считать, что «разрыв между наблюдаемым, – как формулирует Симон Кордонский, – и способами его объяснения поражает. Феномены нашей жизни имеют мало общего с тем, чему следует быть, если исходить из общепринятых теоретических схем. Во многом поэтому аргументация в обычном интеллигентском дискурсе строится как противопоставление того, что есть (устрашающего, неправильного), тому, что должно быть согласно исповедуемой дискуссионной теории. Но при этом даже самые простые идеологически и политически не акцентированные описания отечественных реальностей – пока редкость. Более того, предметное знание о том, что происходит в стране, вызывает реакции типа “этого не может быть, потому что этого не должно быть” и “это незачем знать, потому что оно исчезнет в ходе реформ”. Вместо исследований тиражируется бездумное применение импортных теорий, предполагающее, в точном соответствии с прогрессистскими стереотипами, что Россия – такая же страна, как и те, в которых методики созданы. Однако апологеты импортных теорий, презентуя результаты своих исследований, вынуждены, если честны, признавать, что исследованный ими феномен совсем не такой, каким они себе его априори представляли, или не существует вовсе» [10, с. 8-9].

Впрочем, это известно и из истории. У В. О. Ключевского находим: «Действующие лица действуют молча, воюют, мирятся, но ни сами не скажут, ни летописец от себя не прибавит, за что они воюют, вследствие чего мирятся; в городе, на дворе княжеском ничего не слышно, всё тихо; все сидят запершись и думают думу

про себя; отворяются двери, выходят люди на сцену, делают что-нибудь, но делают молча». Такие эпохи, «столь утомительные для изучения и, по-видимому, столь бесплодные для истории, имеют свое и немало-важное историческое значение. Это так называемые переходные времена, которые нередко ложатся широкими и темными полосами между двумя периодами, такие эпохи перерабатывают развалины погибшего порядка в элементы порядка, после них возникающего» [8, с. 351].

Все эти проблемы объяснимы. Причина такого положения вещей заключается в сложности самого предмета исследования – российской институциональной системы. Надо сменить оптику и посмотреть сегодня на *противоречия* и внутреннюю (имманентную) *конфликтность* развития и эволюционного усложнения российских социально-политических систем.

Можно согласиться с утверждением Л. И. Никовской о том, что «конфликтологический подход может быть весьма плодотворен и эвристичен как теоретико-методологическая основа критической рефлексии, позволяющей адекватно реконструировать разнонаправленность процессов трансформации» [11, с. 84].

На этом фоне из социально-философского тезауруса поиска иных, более адекватных, ракурсов анализа тенденций развития постсоветского российского общества наиболее актуализируется фундаментальная концепция Дугласа Норта и его соавторов, которая имеет принципиальное значение в конфликтологическом понимании развития общества.

Можно утверждать, что их трактовка как прогресса, так и его последующего торможения в системе так называемого порядка ограниченного доступа и «естественного государства», которое формирует условия для рент и распределяет их среди элиты, является, безусловно, важнейшим шагом в развитии конфликтологической интерпретации российской истории. В центре их исследования находится решение проблемы насилия в различных социальных порядках, выбор механизмов доступа к экономическим или политическим ресурсам, то есть контроля над насилием и перераспределением.

Здесь очень важен следующий сильный посыл. «Мы стремимся определить, – подчеркивают авторы основную проблему исследования, – приводит ли рассеянный контроль над насилием к угрозам его применения, играя центральную роль в социальном порядке, или контроль над насилием консолидирован, и поэтому многие отношения осуществляются без угрозы насилия. Порядки ограниченного и открытого доступа коренным образом отличаются друг от друга по отношению к этим измерениям насилия и организации насилия» [12, с. 57].

Важно и то, что в конфликтологическом контексте это позволяет радикально изменить оптику анализа процессов структурно-функциональной дифференциации социально-групповой и институциональной систем и рефлексивно реконструировать более сложные системы интеграции и обмена, коммуникаций между отдельными подсистемами, анализировать неартикулируемые и некодифицируемые последствия конфликтных взаимодействий. Данный «конфликтно-институциональный» подход предлагает наиболее приемлемый выбор средств для формирования концептов изучения институциональных изменений российского общества, акцентируя фокус оптики на системе формальных и неформальных норм и правил и организаций, сдерживающих и контролирующих насилие.

В такой системе координат насилие – это такой способ институционализации конфликта, при котором одни индивиды или группы людей с помощью различных средств внешнего принуждения и манипулирования подчиняют себе сознание, волю, способности, собственность и свободу других в целях овладения и распределения ресурсов. Структура насилия строится на технике обесценивания его объекта, непризнания за ним каких-либо достоинств, прав, суверенности, на силовом принуждении к тому, что считает правильным или желательным обладатель ресурсов.

Тем самым решается и проблема адекватного выбора сравнительных референтов исследования российской политики, преодолевающего субстанционализированную крайность устойчивых аксиоматических конструкций сравнения России с нормативным идеалом современного Запада или отказа от такого сравнения, манифестирующего признание России «единственной и неповторимой» [4]. Россия – это ни отсталый Запад и ни передовой Восток. Мы не есть ни какая-то отсталая Европа, ни передовой Восток. Российские трансформации, российское общество, государство не девиантно, оно нормативно.

В этом плане мы согласны с неоднократно манифестируемым подходом Ю. Пивоварова: «что было и есть – не есть отклонение». Ричард Пайпс в книге «Россия при старом режиме» определяет, по сути, Россию не как слаборазвитую, а как неправильно развитую страну [13].

Макс Вебер писал о России: «Страна... не может найти такую формулу “реформы”, которая имела бы местные “исторические” корни и была бы при этом жизнеспособной» [3, с. 14].

Однако здесь мы опять должны вернуться к концепции Дугласа Норта. Что же представляет собой порядок ограниченного доступа? Для его характеристики обратимся к цитированию авторов концепции. «Порядок ограниченного доступа характеризуется господством социальных взаимоотношений, организованных при помощи личных связей, включая привилегии, социальные иерархии, законы, которые применяются не ко всем одинаково, незащищенные права собственности и распространенное представление о том, что не все люди были созданы равными» [12, с. 54].

Эти базовые институциональные и социетальные принципы дают возможность утверждать, что в России сложилась конвенция вертикальных симбиотических, организованных на патрон-клиентских отношениях клик, контролирующих ключевые отрасли экономики и важнейшие институты. Система использования институциональных ресурсов насилия «снимает» этот конфликт, принуждая другие социальные группы к признанию тождества узкогрупповых или отдельных институциональных, ведомственных, даже корпоративных интересов в качестве национальных, государственных интересов «всего целого».

Таким образом, чем более неравномерно распределены в системе дефицитные ресурсы, тем глубже конфликт интересов между господствующими и подчиненными сегментами (социальными группами) системы.

Здесь в самом укрупненном, эскизном подходе удобно воспользоваться анализом конфликтологической парадигмы в марксизме Дж. Тернера. Он отмечал, что «чем глубже подчиненные группы начинают осознавать свои интересы, тем более вероятно, что они будут сомневаться в законности и справедливости существующей в настоящее время формы распределения дефицитных ресурсов. Чем больше подчиненные группы системы сознают свои интересы, чем больше они сомневаются в законности распределения дефицитных ресурсов, тем более вероятно, что они должны будут сообща вступить в открытый конфликт с доминирующими группами системы» [17, с. 129].

При этом надо учитывать, что для современного российского социума характерна дискретная структура, сегментарность, прерывность координации сотрудничества и конфликта. В теоретической модели В. Д. Соловья фундаментальной причиной российской бифуркации (системного кризиса) послужило «социокультурное, экзистенциальное и этническое отчуждение между верхами и низами общества, обрушившее их бессознательное взаимодействие и придавшее объективно не столь уж серьезным конфликтам неразрешимый характер» [16, с. 133]. В этой институциональной среде (т.е. институты как политическое установление, как действующие (работающие) правила и санкции, формальные и неформальные, образующие политические, социальные и юридические рамки взаимодействий между людьми, обеспечивающие информацию и процедуры для координации действий) в условиях политических барьеров входа на рынок новых типов ресурсов ресурсом стала сама власть как инструмент перераспределения уже выведенных.

Можно предположить, что укрепление вертикали власти привело к системной остроконфликтной форме распределения ресурсов между государственными корпорациями, министерствами, регионами и частным бизнесом, контролируемым членами правящей коалиции. Так, по оценкам экспертов, участвующих в разработке долгосрочной стратегии до 2020 г., за 10 последних лет численность госслужащих всех уровней выросла в 1,4 раза. Если в конце 2000 г. их было 1,16 млн человек, то в конце 2010 г. – уже 1,65 млн человек. Число чиновников растет, а население в целом сокращается. По итогам 2010 г. на 100 000 россиян приходится 1 153 чиновника, 10 лет назад их было 794 (в 1,5 раза меньше). Чтобы показать, как размножились бюрократы, эксперты приводят аналогию с США: там на 1 000 жителей приходится в 4 раза меньше налоговиков, чем в России, и в 2,5 раза меньше таможенников. Сейчас из 1 000 работающих россиян 25 – чиновники, в 2000 г. их было 18, а в 1994 г. – 15. Только на оплату их труда бюджеты всех уровней тратят около 67 млрд руб. в месяц, или 804 млрд руб. в год. Если бы сократить их хотя бы до уровня 2000 г., экономия составила бы примерно 240 млрд в год. Если учесть траты бюджета на помещения, транспорт, связь и проч., суммы могут быть удвоены [2].

Применительно к основным чертам, атрибутам, идентификационным признакам бизнеса исследователями высказано мнение о том, что последний в России представляет собой конвертацию бюджетных ресурсов в легализованное вложение и финансирование личных проектов или в государственные ресурсы, во властный статус, в должности в органах власти, в доступ к распределению других ресурсов, в участие в политическом управлении государством [1; 10].

Таким образом, «элитный» российский слой фрагментирован на группы, находящиеся в состоянии «конфликта доступа» к ресурсам и сверхдоходному бизнесу, сориентированные на создание гипермонополий – в основном сырьевых, низкого передела и коммуникационных, наиболее технологически доступных контролю власти, являющейся одновременно и одним из игроков, и институтом конфликто разрешения.

Все эти проблемы имеют глубокие корни и традиции в толще русской истории. 165 лет назад В. Г. Белинский в письме Н. В. Гоголю пришел к поразительному выводу, смелость и глубина которого как нельзя актуальна. Он характеризует Россию как страну, «где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей» [14].

Все это надо понять, признать, проговорить и объяснить. И тогда окажется, что здесь очень важен характер собственности элит, в полной мере осознающих свою зависимость от действий не легитимированной ни религией, ни законом, ни традицией власти, которая одним предложением «вызвать доктора» может опустить российский фондовый рынок.

Далее, по нашему мнению, к факторам, определяющим политическое отчуждение, системные конфликты в России, можно также отнести: нестабильность, определяемую степенью легитимности режима и уровнем политической мобилизации социальных групп; ресурсную экономику; низкий уровень человеческого капитала; выгодность длительного пребывания у власти.

Необходимо отметить, что для политического развития ключевую роль играет институциональный выбор и стратегия элитных групп. Стратегии конфликто разрешения российской элиты построены на неверных предположениях о будущем общества, на новых формах воплощения старых принципов персоналистской власти, слияния власти и собственности, стремления удержать сферы политического контроля, а не на новых принципах структурирования власти и общества, основанных на обязательствах, взятых на себя сегодня и соотносящихся с завтрашней картиной. При этом и выбор набора обязательств власти зачастую оказывается неверным или не адаптируемым к изменению ситуации.

При этом следует учесть, что это – следствие конфликта между опционами стабильности и стратегическими опционами.

Сходные предложения высказывает Лев Гудков, артикулируя положение о том, что «сочетание ресурсов неформальных корпоративных отношений, репрессивных институтов и неприкрытого административного

произвола обеспечило изменение баланса сил, закрепление которого шло уже квазизаконными методами (через парламентскую законодательную деятельность). Консервация институтов тоталитарного господства, архаических в своем персонализме, примитивности, “неформальности” технологий управления, обеспечивалась заимствованными, внешне современными, “правовыми” “демократическими” формами. Дефициты легитимности власти после краха коммунистической системы восполнялись традиционалистским мифологизаторством, ксенофобией, изоляционизмом, антизападничеством. Тем самым периодически возникающие внутрисистемные напряжения и конфликты, казалось бы, требовавшие в качестве решения дальнейшую функциональную специализацию деятельности, снимались благодаря резкому упрощению самой социальной системы» [5, с. 378].

Строго говоря, поляризация на очень богатое и властное меньшинство «включенных» и очень бедное и бесправное большинство «исключенных» в России создает благодатную почву для популистской перераспределительной политики. Из общего исторического корня снова вырос системный конфликт, по крайней мере, двух субкультур, сохраняющих фундаментальные черты российских условий жизни, воспроизводящих специфику культурного кода: «включенных» в распределение пирога – «элита» и ее обслуга, в наибольшей мере зависящая от государства, наиболее сервильная по отношению к власти и в наименьшей мере склонная к опоре на гражданское общество, и «исключенных», являющихся в терминологии Зигмунта Баумана «человеческими отходами (отбросами)» (wasted life), ненужными современному обществу.

Но еще большее значение имеет то, что конфликт сохраняется – в этом принципиальная черта современного периода русской истории. Конфликт остается, разрешается, допускается. Но одновременно конфликт не должен разорвать общество на части. Следовательно, конфликт не должен доходить до стадии антагонизма, конфликт должен купироваться и решаться в рамках формальных процедур. Р. Дарендорф писал: «Чтобы конфликты проявились, должны быть выполнены определенные технические (личные, идеологические, материальные), социальные (систематическое рекрутирование, коммуникация) и политические (свобода коалиций) условия. Если отсутствуют некоторые или все из этих условий, конфликты остаются латентными, пороговыми, не переставая существовать» [6, с. 143].

Как было отмечено ранее, ядро исследовательской программы Д. Норта включает в себя концепцию «естественного государства», которое «снижает проблему повсеместного распространения насилия путем создания господствующей коалиции, члены которой обладают особыми привилегиями. Логика естественного государства вытекает из того, как оно решает проблему насилия. Элиты – члены господствующей коалиции – соглашаются уважать привилегии друг друга, включая права собственности и доступ к определенным видам деятельности. Ограничивая доступ к этим привилегиям только членам господствующей коалиции, элиты создают надежные стимулы сотрудничать, а не бороться друг с другом. Поскольку элиты знают, что насилие приведет к снижению их собственных рент, они имеют стимул к тому, чтобы прекратить борьбу. Кроме того, каждая элитарная группировка понимает, что другие группы сталкиваются с такими же стимулами. Так политическая система естественного государства манипулирует экономической системой для создания ренты, которая затем обеспечивает политический порядок» [12, с. 62].

В данном концептуальном русле речь идет о двойном характере российской власти: внешней, публичной, принимающей подобие законности, и реальной, неформальной, но действенной.

Здесь особенно актуальной становится проблема использования силовых способов как средства разрешения экономических, управленческих, кадровых, информационных конфликтов.

При этом надо учитывать, что институты, обеспечивающие монополию государственного насилия, в условиях системного конфликта российского социума оказались *единственной организованной силой* социально-политического порядка в стране. Обеспечивая перераспределение собственности, финансовых и административных ресурсов, институты насилия превратились в субститут плановой регуляции экономики, утрачивая свой функциональный характер, становясь частью политической власти, определяя целеполагание стратегического политического и экономического курса.

Исходя из вышесказанного, выход за узкие рамки канонов современной политологии, отказ от упрощенных представлений о том, что модернизация является задачей власти и может быть реализована в России только «сверху», бюрократическими или мобилизационными средствами, требует формулирования и артикулирования концептуальных апгрейдов. Процесс модернизации порождает конфликтную институциональную среду, генезис которой детерминирован самой модернизацией.

Упрощая этот процесс, практические политики, даже ориентированные на модернизационный проект, испытывают постоянный соблазн взять под контроль процесс модернизации посредством управленческих механизмов. Формулой, маскирующей данную коллизию, является тезис Владимира Путина о том, что в стране все скроено на живую нитку.

Исходя из этого, основой анализа становится определение мотивов и полной предыстории этой социальной инженерии, функционально-эстетической организации политического пространства и экономических процессов, приводящей к боязни институционализации полей конфликта.

Учитывая это, можно сказать, что российская власть, навязывая неравенство сторон конфликта, борется с ним, а не защищает стороны от уничтожения. Не допуская конфликты в политику, монетизируя монополию на насилие, «сливая» конфликты и не умея ими управлять, власть формирует спрос на их создание, создавая, по определению Г. Павловского, «бизнес манипуляции угрозами и ложными повестками дня». Нити, идущие от власти к социуму, обрываются. Их конфликтность тихо стирается, заодно с рядом важных ответов. Стрессовая неопределенность порождает потребность в определенности, что в политическом плане означает принятие властью на себя заботы о предсказуемости, определенности, стабильности.

Поэтическую транскрипцию феномена *несимфонийности* российского конфликто-разрешения [8] находим у Максимилиана Волошина в стихах о войне и мире (1924 год): «Европа шла культурой огня, а мы в себе несем культуру взрыва. Огню нужны машины, города, и фабрики, и доменные печи, а взрыву, чтоб не расплыть себя, стальной нарез и маточник орудий. Отсюда – тяж советских обручей и тугоплавкость колб самодержавья. Бакунину потребен Николай, как Петр – стрелцу, как Аввакуму – Никон. Поэтому так непомерна Русь и в своеволие, и в самодержавье. И нет истории темней, страшней, безумней, чем история России» (<http://lib.rus.ec/b/138898>).

Политико-социологическая транскрипция этого феномена исчерпывается формулой Владимира Путина: «Отсюда очень “короткое дыхание” политики, её ограниченность вопросами текущего сохранения или перелома власти и собственности» [15].

Философско-правовая транскрипция феномена несимфонийности как «антиправовой нормативности» в изложении Валерия Зорькина такова: «Но если все институциональные системы государства оказываются “под подозрением” как несправедные и чуждые, не может быть настоящей устойчивости общества и государственного корабля. И не может быть полноценного развития, поскольку все сегменты общества имеют основания сомневаться в том, что провозглашенные цели развития сообразны их интересам и идеалам, и даже в том, что вообще предполагается какое-либо развитие» [7].

Из этой триады можно выдвинуть тезис о социальной кастрации, лишении личности ее гражданской и политической субъектности, аполитичности, социальной инертности, уповании на власть и формировании комплекса «особого русского пути», используемого для легитимации тех или иных вариантов теорий российской модернизации.

Наконец, надо отдавать себе отчет в том, что ресурсный социум, базирующийся на сырьевой экономике, сакрализирует власть и государство – верховного распределителя («дарителя») благ, наделенного при этом ореолом единственного «демократа». Эта схема – прямой слепок знакомых «вручную управляемых» экономических и политических конструкций, когда пространство власти импульсивно-авантюрно, конъюнктурно, келейно, кастово, своенравно, взбалмошно, репрессивно и капризно.

Схожим образом политтехнологические схемы исключения конфликтов в микроситуациях, в идеологии и в обыденности, в экономике и культуре как «незапроектированных сюрпризов» подводят к тому, что не только реформа меняла страну, но и страна – реформу.

Однако для успешной модернизации общества необходима соответствующая иерархия базовых ценностей, готовность общества к переменам, стремление социальных групп стать субъектами изменений. Только конфликты держат политику и политиков в тонусе, в постоянной готовности немедленно включиться в решение социальных проблем, что дает основания для современного определения ситуации и удержания конфликтующих сторон от актуального насилия.

Разворот к политической эстетизации (и этизации) естественно-конфликтной социальной среды – ключ для понимания того, куда мы попали.

Применительно к политической стратегии России – это долгое и этапное вытеснение.

Структурная парадигма анализа Арнольдом Тойнби процессов зарождения, взлетов и смерти мировых цивилизаций через формулу «Вызовы и ответы», при всей своей неоднозначности, имеет одно огромное преимущество: понятийный аппарат теории способствует построению прогностических моделей конфликтного развития общества.

Тойнби показал, что общество перестает возрастать и начинает распадаться, когда:

- индивидуумы, находящиеся у власти, перестают быть творческими личностями;
- происходит централизация власти как ответ на новые вызовы и отказ от смены лидерства, консолидация общества через поиск внешнего и внутреннего врага;
- вырождается меньшинство, ранее способное руководить благодаря своим творческим потенциям, но теперь сохраняющее власть лишь благодаря грубой силе;
- создаются гигантские проекты, которые должны отвлечь внимание от накапливающихся проблем;
- лидеры неспособны продолжать игру с толпой, а режим и политическая ментальность милитаризуется;
- осуществляется попытка косметического обновления системы без изменения ее «корневых» стандартов.

Опираясь на это теоретическое наследие, можно доказать, что ключевые факторы, обуславливающие контуры деградации, применимы и к осмыслению российской модели «самозакручивающейся спирали бюрократической гиперлояльности» (термин политолога Сергея Маркова).

Суть структурного, ориентированного на конфликтно-институциональный анализ подхода Тойнби состоит в том, что «поскольку уровень человеческого процветания обычно оценивают по масштабам власти и богатства, часто случается так, что уже познанные главы истории трагического общественного упадка в обыденном народном сознании воспринимаются как периоды изумительного взлета и процветания. Это печальное заблуждение может продолжаться в течение многих веков. Однако рано или поздно заблуждение проходит. Прозрение наступает, когда общество, неизлечимо больное, начинает войну против самого себя. Эта война поглощает ресурсы, истощает жизненные силы. Общество начинает пожирать самого себя» [18, с. 346-347].

В этом понимании нет ничего эсхатологического, мистического и тем более трансцендентного.

Напротив, гораздо большее значение имеет установка российского общества на то, чтобы «отменить» ту историческую каузальность, которая действовала до сих пор. Неоднозначность перспектив уловлена, хотя не всегда осознанно, становятся видны другие горизонты происходящего и предстоящего.

А это уже совсем другая страна, даже если в ней пока не менялись политический режим и тип экономики.

Список литературы

1. **Алейников А. В.** Бизнес и власть в современной России: социально-философский анализ. Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 332 с.
2. **Армия Путина** // Ведомости. 2011. 21 декабря.
3. **Вебер М.** О России: избранное. М.: РОССПЭН, 2007. 159 с.
4. **Гельман В. Я.** «Столкновение с айсбергом»: формирование концептов в изучении российской политики // Полис. 2001. № 6. С. 6-18.
5. **Гудков Л. Д.** Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН, 2011.
6. **Дарендорф Р.** Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5. С. 142-147.
7. **Зорькин В.** Россия: движение к праву или хаосу? Социально-государственный кризис и правовая система // Российская газета. 2012. 26 января.
8. **Ильин В. В.** Философия истории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 380 с.
9. **Ключевский В. О.** Сочинения: в 9-ти т. М.: Мысль, 1987. Т. I. 432 с.
10. **Кордонский С. Г.** Ресурсное государство. М.: REGNUM, 2007. 108 с.
11. **Никовская Л. И.** Сложносоставной конфликт как инструмент анализа трансформации и кризиса // Полис. 2009. № 11. С. 83-94.
12. **Норд Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б.** Насилие и социальные порядки: концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
13. **Пайпс Р.** Россия при старом режиме. М.: Захаров, 2012. 480 с.
14. **Письмо В. Г. Беллинского к Н. В. Гоголю от 15 июля 1847 г.** [Электронный ресурс] // Русская литература и фольклор. URL: <http://feb-web.ru/feb/gogol/texts/ps0/ps8/ps8-5002.htm> (дата обращения: 03.02.2012).
15. **Путин В.** Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить [Электронный ресурс] // Сайт Председателя Правительства РФ В. В. Путина. URL: <http://premier.gov.ru/events/news/17755/> (дата обращения: 02.02.2012).
16. **Соловей В. Д.** Кровь и почва русской истории. М.: Русский мир, 2006. 480 с.
17. **Тернер Дж.** Структура социологической теории. М.: Прогресс, 1985. 129 с.
18. **Тойнби А. Дж.** Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2010. 640 с.

PROBLEM UNITS OF RUSSIAN TRANSFORMATION CONFLICTS: SOCIAL-PHILOSOPHICAL CONTEXT

Andrei Viktorovich Aleinikov, Doctor in Philosophy
Department of Conflict Resolution Studies
St. Petersburg State University
av-aleynikov@yandex.ru

The author undertakes the attempt to reveal and analyze the system characteristics and basic components of conflict resolution strategies “non-symphony” in the Russian society, and using the conceptual language of conflict resolution techniques considers political configuration specifics, the original logic of the relations between society and state, typical to transformation processes in Russia.

Key words and phrases: power; conflict; resources; Russian transformations; conflict-institutional approach; modernization project.

УДК 342.727

Статья посвящена анализу фундаментальных философских категорий, таких как свобода и насилие, и их влиянию на развитие личности. В статье рассмотрены политико-правовые и образовательные концепции Дж. Локка, анализируется идея свободы суверенной личности как главного основания государственности.

Ключевые слова и фразы: свобода; насилие; личность; развитие; политика; право.

Лариса Юрьевна Белякова, к. пед. н., доцент
Кафедра социологии и социальной работы
Северо-Западный институт Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
larisa-belykova@mail.ru

**ИДЕЯ СВОБОДЫ СУВЕРЕННОЙ ЛИЧНОСТИ
В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ ДЖ. ЛОККА[©]**

В цивилизованном мире XXI столетия уже не возникает сомнений относительно ценности, значимости, престижа такого феномена, каким являются права и свободы человека. Их признание и соблюдение стало символом справедливости во внутренних делах государств, а также в межгосударственном общении, в рамках которых сам термин «права и свободы человека» выступает ключевым. Это закономерно и объяснимо,